

JAMES PALMER. THE BLOODY WHITE BARON.
THE EXTRAORDINARY STORY OF THE RUSSIAN NOBLEMAN WHO
BECAME THE LAST KHAN OF MONGOLIA.
New York: Basic books, 2009, 274 p., 2 maps*.

© 2013

С.Л. КУЗЬМИН

Роман Федорович фон Унгерн-Штернберг (1885–1921) – участник Гражданской войны в России, Маньчжурии и Монголии в начале XX в. Жизнь этого человека, стремившегося подавить революции и вернуть монархии в Россию и другие страны Европы и Азии, была необычна. Он не достиг своей цели, но без него не было бы современного независимого Государства Монголия. Я не буду здесь останавливаться на личности Р.Ф. Унгерна: об этом сказано во многих публикациях (всего ок. 700). Доступность русских и монгольских архивов после краха социализма в СССР и Монголии открыла то, что ранее было засекречено. Частично это было опубликовано и позволило Дж. Палмеру использовать не только ранее доступные материалы, но и ряд новых. В результате его книга, написанная в жанре нон-фикшн, оказалась очень популярной, и на Западе ее стали рассматривать как научный источник. Появилось немецкое издание (2010 г.), можно ожидать новых. Так что полезно проанализировать ее с научной точки зрения.

Для рецензии я использовал два варианта книги: электронную версию с заголовком, приведенным выше, и бумажную версию: James Palmer. The Bloody White Baron. London: Faber & Faber, 2008, 274 p. Пагинация в обеих совпадает, расхождений в тексте я не нашел, так что не буду их разделять при обсуждении.

Книга состоит из следующих разделов: “Благодарности”, “Карты”, “Введение”, 9 глав, “Эпилог”, “Заметки”, “Библиография”, “Указатель”. В главе 1 “Сын крестоносцев и пиратов” дается обзор генеалогии Р.Ф. Унгерна. Глава 2 “Концы мира” посвящена биографии Р.Ф. Унгерна до Первой мировой войны в контексте структуры российского общества, его расселения и созревания революционной ситуации. В главе 3 “Подвешенный между раем и адом” – цитата из философа Г. Кайзерлинга – рассказывается о первой поездке Унгерна в Монголию и дается краткое описание этой страны, ее народа и религии. Глава 4 “Все разваливается” посвящена Первой мировой войне и участию в ней Унгерна. В главе 5 “Страна трупов” говорится о гражданской войне в Забайкалье в контексте деятельности Унгерна. Глава 6 “Яростный крестовый поход” описывает вступление и боевые действия войск Унгерна в Монголии. В главе 7 “Властитель степи” (похоже на название книги Л.А. Юзефовича “Самодержец пустыни”) рассказано о пребывании белых в Монголии; кроме того, в ней дан анализ политических и религиозных взглядов Р.Ф. Унгерна. Глава 8 “Сто тридцать дней” в основном повествует о походе Унгерна в Сибирь и о том, к чему это привело. Глава 9 “Последний авантюрист” посвящена пленению Р.Ф. Унгерна, суду над ним и его казни. В “Эпилоге” описаны сталинские репрессии в Монголии, охарактеризован статус этой страны после революции, приведены сравнения с Тибетом, а также личные наблюдения Дж. Палмера.

Книга читается легко и увлекательно – даже тем, для кого английский язык неродной. Материал распределен логично, приведено много фактов, неизвестных западному читателю. Разбирать достоинства книги я не буду: с большей или меньшей точностью они отражены в ряде хвалебных рецензий – от сетевых ресурсов до крупных газет типа “Sunday Telegraph”, “Frankfurter Allgemeine Zeitung” и “Süddeutsche Zeitung”. Хотя русскоязычный читатель вряд ли сочтет эту книгу новым словом, Дж. Палмер местами приводит сведения, неизвестные из других источников, но, по-видимому, основанные на свидетельствах очевидцев (например, о том, что с фронтов Первой мировой войны Р.Ф. Унгерн прислал домой свой мундир с дырами от пуль и следами крови – с. 74). Жаль только, что источники указаны не везде.

В то же время в книге есть недостатки. Первое, что бросается в глаза, – некорректное название книги (ошибка повторяется в тексте на с. 1). Унгерн не был “последним ханом Монголии”. Известно, что в Монголии “хаан” (т.е. император, или великий хан, правитель государства) – не то же самое, что “хан” (высший княжеский титул, не означавший власти над всей Монголией). Согласно указу Богдо-гэгэна VIII (который как раз и был великим ханом),

* Джеймс Палмер. Кровавый белый барон. Необычная история русского дворянина, который стал последним ханом Монголии. Нью-Йорк: Базик Букс, 2009. 274 с., 2 карты.

Р.Ф. Унгерн получил титул “потомственного великого князя Дархан-Хошой Чин-вана в степени Хана” [Кузьмин, 2004(1), с. 91]. Он стал великим князем, но не монархом Монголии, которым оставался Богдо-гэгэн.

В описании периода до монгольской эпопеи есть следующие ошибки. Неверно, что в Эстонии в период Первой русской революции главной причиной революционного движения было “национальное оживание” (с. 24–25). На самом деле, погромные выступления шли и в других частях Российской империи, хотя одним из компонентов местами был национализм. Выступления в целом были стихийными вне зависимости от удовлетворения предъявляемых требований – главным было найти образ “зла” для мщения [Сухова, 2006, с. 65–69].

Отец Р.Ф. Унгерна был не геолог-любитель (с. 17), а профессионал в этой области – по геологии он защитил диссертацию в Лейпцигском университете. Р.Ф. Унгерн получил свою первую медаль не к концу Русско-японской войны (с. 22), а намного позже – в 1913 г. Неверно и то, что в период службы в Амурском полку «его список упоминает разные “инциденты”, под которыми надо понимать ссоры, драки и дуэли» (с. 39). В послужном списке и аттестации Унгерна в этом полку нет указаний на инциденты [Кузьмин, 2004(1), с. 50–54]. Дж. Палмер пишет о второй дуэли Унгерна в Благовещенске (первая была в Даурии). Очевидно, однако, что в разных источниках речь идет об одной и той же дуэли. Неверно, что уход Унгерна из Аргунского и Амурского полков был связан с двумя дуэлями (с. 39).

Есть ошибки и при описании деятельности Р.Ф. Унгерна в Забайкалье в Гражданскую войну (например, унгерновцы не рубили пальцы проезжавшим через ст. Даурия, чтобы забрать кольца – с. 93–94, Азиатская конная дивизия была сформирована не в феврале 1920 г. (с. 112), а в 1919 г.). Неверно, что атаман Г.М. Семенов наградил Р.Ф. Унгерна вторым орденом Св. Георгия в марте 1919 г. и повысил до генерал-лейтенанта (с. 101). Этот орден был присужден постановлением Георгиевской думы, а звание генерал-лейтенанта Унгерн получил от Семенова намного позже, в 1921 г., за взятие Урги.

Дж. Палмер дает в целом реалистичную картину антикитайского движения монголов в начале XX в. Подобно многим другим авторам, он везде обозначает империю Цин как Китай. В действительности это было маньчжурское государство, включавшее Китай, Монголию и другие части. Его распад на национальные государства, в том числе Китай, дал Монголии право самоопределение. Три века в Монголии были не китайский контроль и китайская администрация (с. 45), а чиновники-маньчжуры, представлявшие маньчжурскую династию. Соответственно во времена Галдан-хана западные монголы бросили вызов в Центральной Азии не “Китаю и России” (с. 128), а империи Цин.

Перейдем к описанию монгольской эпопеи. Главные недостатки здесь – необъективность автора и избирательное использование источников. Из мемуаров используются в основном Д. Алешин [Alioshin, 1941] и Н.М. Рябухин [Ribo, Hoover], оставившие весьма неполные и сильно идеологизированные воспоминания. Можно понять, почему автор не использует более полные описания событий Н.Н. Князевым: это сторонник Р.Ф. Унгерна. Но непонятно, почему проигнорированы нейтральные и детальные мемуары М.Г. Торновского, – притом что Дж. Палмер ссылается на публикацию обоих источников [Кузьмин, 2004(2)].

Из книги следует, что все дворяне Монголии согласились на план отмены ее автономии в пользу Китая, разработанный Чэнь И (с. 122). В действительности это была лишь часть высших феодалов. Судя по книге, Богдо-гэгэн VIII был недоволен бесчинствами китайских солдат в Урге потому, что больше не мог ездить на своих машинах на праздники (с. 125). Оказывается, для Богдо-гэгэна VIII всегда главной целью было сохранение своей комфортной жизни (с. 166). Примерно то же писала красная пропаганда. Это неверно. Богдо-гэгэн играл решающую роль в борьбе за независимость Монголии.

Содержат неточности карта и описание операций Р.Ф. Унгерна в Монголии. По мемуарам М.Г. Торновского [Кузьмин, 2004(2), с. 200], он вступил в Монголию не “в раннем сентябре”, а 1 октября 1920 г. Подготовка к штурму и бои за Ургу изложены весьма фрагментарно. Вместо этого автор заполнил страницы описаниями (частью недостоверными) отдельных попыток, казней, мелких инцидентов и т.п. Можно узнать и забавную историю со слоном, сбегавшим из зоопарка Богдо-гэгэна: оказывается, слона нашли через неделю на расстоянии в сотню миль пасшимся в стаде верблюдов (с. 151). И это в монгольскую зиму со снегом и при температуре ниже –30 °С!

Во времени второго боя под Ургой обозы с имуществом Азиатской дивизии находились действительно в районе р. Тола – но не Онона (с. 132), от которого до Урги не 20, а более 200 км. В Урге была не пара тысяч китайских солдат (с. 132), а около 7000 (по М.Г. Торновскому: [Кузь-

мин, 2004(2), с. 211]). После первых поражений Унгерн отступил не в “Зам Курен” (с. 135 и карта) (= Зуун хурээ?), а в Гун Галутай на р. Керулен. Мобилизованных русских крестьян (с. 135) в Азиатской дивизии не было. Случаи чумы от питания сурками (с. 136) не подтверждаются источниками, да и сурки зимой спят, а добывают их летом.

Грабеж монастыря Ламын-Гэгэн-Дэдлэн-хийд унгерновцами (с. 135) не зафиксирован в источниках: глупо было бы грабить монастырь, когда духовенство было одной из опор барона. Также из области фантазии фраза: “Ходили слухи, что он оставил клад после себя, награбленный из монастырей и зарытый где-то в степи” (с. 2).

По мемуарам Д. Алешина изложена история с отравлением врачом А.Ф. Клингенбергом якобы с санкции Р.Ф. Унгерна раненых белых в полевом госпитале. Более достоверные и подробные данные – в мемуарах Голубева и А.С. Макеева: подполковник Лауренц от имени барона приказал фельдшеру Логунову отравить раненых, за что был расстрелян по приказу Унгерна [Кузьмин, 2004(1), с. 448, 529]. Сожжение дезертиров и непокорных рекрутов (с. 137) не подтверждается документами и мемуарами. Дж. Палмер приводит цитату из Д. Алешина о жестокой расправе Р.Ф. Унгерна над солдатами, дезертировавшими во главе с поручиком Ружанским, и над женой последнего (с. 139). Правда, автор не упоминает, что Ружанский перед этим, подделав подпись Унгерна, присвоил 15 тыс. руб. золотом и попытался бежать с женой – в то самое время, когда дивизия голодала на морозе. Изнасиловали жену Ружанского, кстати, не монголы-чахары, а унгерновские контрразведчики.

По мемуарам М.Г. Торновского, перед решающим штурмом Урги у барона было не 5–6 тыс. (с. 143), а 1460 человек [Кузьмин, 2004(2), с. 208]. Японцы у Унгерна не служили артиллеристами (например, с. 153), а составляли конную роту (артиллеристами были русские под командой капитана Дмитриева – по тому же Торновскому). Кстати, имя японского офицера было не Хиро Яма (с. 128), а Коутароу Хатакэяма. Нет оснований считать, что главной силой в войсках Унгерна были буряты (с. 195 и др.). Решающий штурм Урги не был вызван случайной ракетой, пущенной кем-то (с. 153–154), а проходил по плану. Главные линии китайских окопов были не у Маймачена (с. 150–151), а у поселков Верхний и Нижний Модочины. Неверно, что унгерновцы два месяца держали костры на горе Богдо-ула около Урги (с. 146): их зажгли за день-два до штурма, чтобы ориентироваться ночью. Статистики о потерях китайцев при штурме Урги нет; приводимые автором цифры (с. 155) – это догадка. Ургу после боев от трупов очищали не солдаты Унгерна, а пленные китайцы (с. 161).

После взятия Урги важнейшими событиями борьбы с китайскими оккупантами были бои в долине р. Тола, около Талын-Улан-хад, Чойрын-хурэ, а также поход на Замын-Удэ. На карте они не обозначены, а в тексте вместо их описания есть лишь перепутанные фрагменты. А ведь эти события последовательно и четко описаны М.Г. Торновским. В районе Замын-Удэ китайцев преследовал не Резухин (который тогда был в Урге), а Унгерн и Мэйрэн Дугаржав. Удэ (= Замын-Удэ) находится не “ок. 20 миль к северу от Урги” (с. 158), а в 592 км к юго-востоку от нее. Говоря о горах трупов вдоль р. Тола (с. 158), Дж. Палмер, видимо, основывается на книге Ф.А. Оссендовского [Ossendowski, 1922]. Это были другие бои, которые вначале действительно вел Резухин – в районе р. Тола около горы Талын-Улан-хад западнее Урги (Замын-Удэ тут ни при чем). История со сдачей и бегством китайцев относится именно к этим боям. У Палмера она перепутана. Китайцы тогда сдались Унгерну, затем часть из них бежала, остальные составили отдельный отряд. Бежавших долго преследовали и частью уничтожили. Цитата из воспоминаний Хаслунда на с. 159 относится к совсем другому, более раннему эпизоду (еще до Улан-хада) – к разгрому китайцев у Чойрын-хурэ (ок. 240 км юго-восточнее Урги). Разгромили их не только монголы-халхасы, но и унгерновцы, которыми барон командовал лично. Как раз оттуда белые двинулись дальше на юг – на Замын-Удэ.

Ситуация в Монголии в период пребывания там Р.Ф. Унгерна описана неточно. Неверно, что это он восстановил в Монголии пять министерств, эффективно контролировал правительство и был диктатором Монголии (с. 167) [Кузьмин, 2011, с. 200–228]. Столь же неверно, что каждый департамент имел вначале белых представителей от Унгерна (с. 167). Советников в монгольском правительстве было всего несколько, они помогали монголам задолго до Унгерна и отнюдь не были его представителями.

Дж. Палмер находит сходство в действиях Унгерна по регулированию рынка в Монголии с мерами, предпринимаемыми коммунистами, и объясняет это плохим отношением барона к торговцам (так как последним слишком близки “еврейско-капиталистические идеалы”), захватом Унгерном средств Китайского банка, убийствами предпринимателей (с. 195–196). Это неверно.

Производство после изгнания оккупантов стало как раз налаживаться. Однако Монголия сильно зависела от торговли с Россией и Китаем, а в 1921 г. попала в фактическую блокаду. Регулирование товарно-денежных отношений – обычная мера в таких условиях. Первые бумажные деньги новой Монголии не были “выпущены Богдо-ханом от имени Унгерна”. Подлинная история этих денег не та, которую написал Дж. Палмер [Нямаа, Ганболд, 2007].

При описании террора в Монголии Дж. Палмер пишет, что священник Ф. Парняков был убит за сына: тот был красным активистом. На этом он делает акцент и позже (с. 230). Однако Ф. Парняков сам придерживался левых взглядов, помогал коммунистам бежать из России в Маньчжурию, был одним из создателей легальной “крыши” для подпольной работы в Урге, принимал участие в создании подпольного революционного комитета и Информбюро для выполнения секретных заданий [Даревская, 1997]. Вину за жестокое обращение китайцев с русскими в тюрьме и расстрел их в Урге М.Г. Торновский возлагает на красную управу русской колонии, в том числе на Ф. Парнякова [Кузьмин, 2004(2), с. 189].

Описание похода Унгерна в Сибирь дано весьма поверхностно, несмотря на то что, повторюсь, в распоряжении автора были детальные мемуары М.Г. Торновского. Хотя Дж. Палмер старается соблюдать хронологию, она часто нарушается. Например, разный цвет башлыков в разных отрядах унгерновцев появился как раз незадолго до похода на Сибирь (к маю 1921 г.), а не во время стояния на Керулене (зимой 1920/1921 г.) (с. 144). Знаменитый унгерновский приказ № 15 был подготовлен не только Ф.А. Оссендовским, но и некоторыми другими [Кузьмин, 2011, с. 238]. Вместо разбора приказа рациональное было бы перевести его целиком. Дж. Палмер неточно объясняет истинную причину ввода советских войск в Монголию в 1921 г. (с. 208). Стратегической целью в то время было распространение социалистической революции через Монголию в Китай [Железняков, 2009, с. 202–209]. После гибели Баяр-гуна под Кяхтой Унгерн искалечил врача Клингенберга не за это (с. 207), а обвинив его в неоказании помощи раненым чахарам. П. Сухарев действительно повел свой отряд в Китай, но не вместе с полковником Н.Н. Казагранди (с. 211), а после того, как расстрелял последнего. Монгольский князь Сундуй-гун якобы сказал Унгерну: “Русские, в целом, все плохие люди” (с. 223). Однако ссылка [Кузьмин, 2004(1), с. 208] Дж. Палмером дана неверно: там этого нет. Непонятно вообще, откуда это. Кстати, Сундуй-гун не был позже казнен (с. 237), он умер, сломав ногу после падения с лошади.

Примечательны высказывания автора по национальному вопросу. Некоторые русские дворяне, оказывается, считали себя расой, отдельной от крестьянства (с. 23). Казаки удостоились следующих оценок. После очередного упоминания антисемитизма (правда, на сей раз в связи с небольшим числом евреев в Забайкалье) приводится замечание о “зверстве” казаков, которым они напоминают монголов. Видимо, “обоснованием” этой оценки должна послужить цитата из историка Дж. Кигана о том, что жестокость казаков воскрешала в сознании набег степных орд, “погребенные в самых темных углах коллективной памяти” (с. 33). Оказывается, “казаки также считались трусами, предпочитающими легкую работу закалывания мужиков и бойни евреев опасностям битвы. Они редко желали встретить какую-либо форму лобового сопротивления” (с. 33). Неясно, правда, как это согласуется с дальнейшим упоминанием храбрости казаков в самоубийственных атаках на укрепления (с. 34). В целом “большинство этнических русских сохраняли глубоко расистское отношение к разным азиатским народам” (с. 36).

Не буду сравнивать отношение к азиатам русских и, например, англосаксов вообще. Лучше приведу суждения конкретно Дж. Палмера. “Этнически русские селяне смотрели на монгольских солдат Унгерна с давним презрением к кочевнику мягкого, оседлого фермера” (с. 106). Первое, что автор указал для столицы Монголии перед ее описанием – это вонь и грязь (с. 44). Дальнейшее описание столицы напоминает нечто среднее между большевистской пропагандой и евцентризмом. Для монголов “пьянство и хвастовство считались столь же важными”, как три главных вида спорта – одна из двух забав наряду с религией (с. 46).

Впрочем, немцам тоже досталось. По мнению Дж. Палмера, российские немцы никогда не считали, что являются частью принявшей их страны, в некоторой степени они оставались колонистами, что порождало “конфликт, полный противоречий”. Более того, “балтийское немецкое сообщество было тесно связано с пангерманскими движениями фолькиш и дало замечательно большое число нацистских лидеров и мыслителей” (с. 14–15). Как тут не вспомнить “обоснование” выселения всех немцев из европейской части СССР при И.В. Сталине... В действительности российские немцы, сохраняя свою этничность, считали себя частью России так же, как остальные народы.

В то же время читатель должен с радостью обнаружить, что автор не допускает “критических суждений” в отношении евреев. Более того, последних он приплетает к месту и не к месту (в книге о них говорится на 42 страницах из 274).

Однако с чуждой ему религией Дж. Палмер не церемонится. “История тибетского буддизма – это коррумпированная и византийская афера, как будто сделанная по заказу для того, чтобы соответствовать требованиям старомодного антиклерикализма” (с. 55). Почему же? “Большинство буддистов во всем мире, однако, являются восторженными почитателями всякого рода богов и духов” (с. 3). Основа буддизма в действительности не в почитании богов и духов. Автор, должно быть, крупный религиовед, раз владеет столь необычной статистикой... Так ли это?

Уже из впечатлений Дж. Палмера от трудов иезуитских миссионеров и от буддийского храма во Внутренней Монголии (с. 5–6) видно глубокоое незнание им буддизма. Это проявляется во многих цитатах. “Теософия – это тип раздетой и обобщенной версии индуизма и тибетского буддизма” (с. 28). В действительности теософия – не буддизм и не индуизм. “Тибетский буддизм сконцентрирован на магии, секретных учениях, духах и демонах, приобретении особых сил и высшем статусе монаха или ламы” (с. 4–5). В действительности тибетский буддизм – это точная тибетоязычная версия позднеиндийского буддизма Махаяны [Далай-лама XIV, 2008, с. 50, 56–57]. Главное в нем – самосовершенствование, а не то, что перечислил Дж. Палмер.

«Буддийские теологи, особенно те, которые стремятся продвигать эту религию на Западе, стараются смело кооптировать трупы и черепа и окровавленное оружие в изображения мира и спасения. Их усилия – “Труп, на котором прыгают ногами, представляет смерть материального мира” – неубедительны» (с. 62). На самом деле образы агрессии в буддизме обозначают духовные силы, изживающие неблагу карму и атакующие внутренних врагов – омрачения сознания. В буддизме эти образы считаются руководством к действию только во внутреннем (духовном) мире, но никак не во внешнем (физическом). Символами являются также сексуальные образы в тибетском буддизме. Они обозначают необходимость соединения постижения пустоты (санскр.: *шуньята*) и метода (сострадания) для Освобождения [Кузьмин, 2010, с. 125–126].

Это азы буддизма, которые не хочет понимать Дж. Палмер. Отсюда перечисление им “черных сторон просветленных богов” – тантрических форм божеств (с. 62). Отсюда же и оценки типа “религиозное искусство иногда сбивается на путь откровенной порнографии” (с. 64). Или такие: “Боги обычно изображали в воинственных позах, размахивающими оружием и топчущими трупы, но иногда соединенными вместе в искусные и невероятные атлетические пары, несомненно, для похабного увеселения старших и умудренных жизнью паломниц” (с. 45). Автор связывает с буддизмом жертвоприношения животных в Монголии, где такие “холокосты были неотъемлемой частью монгольского ритуала” (с. 60–61). В действительности мясо – основная пища кочевников-монголов. Для того и забивают скот. Перед едой мясо могли вначале посвящать божествам... Но все равно там плохо: “Храмы были везде – темные и дымные” (с. 45).

В иконографии буддизма автор тоже показывает незнание. Ямантака – не бог смерти (с. 47), а, наоборот, победитель смерти. Докшиты (а не “дашгиды”) – не “духи воздуха” (с. 62), а охранители Учения. Из Внутренней Монголии (точнее, Долоннора) привезли гигантскую статую не Будды (с. 59), а бодхисатвы Авалокитешвары. Кстати, Дж. Палмер ошибается: зрение Богдо-гэгэна VIII после этого улучшилось [Кузьмин, Оюунчимэг, 2009, с. 61]. Неверно, что свастика в начале XX в. понималась как антисемитский символ (с. 96). Перечисление, что этот символ “буддийский, эзотерический и антисемитский, который был также очень обычен в Монголии” (с. 96), явно направлено на то, чтобы порицать все это вместе. Параллели между “Протоколами сионских мудрецов” и “эзотерическими религиями Востока” в виде цитаты из Ф. Оссендовского (с. 96–97) неубедительны: последний в буддизме разбирался плохо. Отсюда и неверный вывод, будто Р.Ф. Унгерн использовал свастику не только как “буддийский мотив”, но якобы и по антисемитским соображениям, как это будто бы могло делать большинство белогвардейцев (с. 129).

Ни в каких серьезных источниках не говорится, что в Монголии Р.Ф. Унгерна “почитали как бога” (с. 1), а князя Амурсану – как воплощение Махакалы (с. 58–59). Что в Шамбале живет Царь Мира (с. 65), считал Ф.А. Оссендовский, а не монголы. Не доказано, что Далай-лама IV был убит тибетцами за то, что был монголом (с. 5). Неверно, что “влияние теософского языка и идей очевидно, когда бы ни обсуждал Унгерн религию” (с. 29). Теософские идеи приписал ему Оссендовский, тогда как сохранившиеся слова Унгерна соответствуют буддизму, а не теософии.

Незнание буддизма у Дж. Палмера сочетается с примитивной пропагандой против этой религии. Приводя ниже цитаты из его книги, я не буду их комментировать: все это неоднократно опровергалось [Кузьмин, 2010; Кузьмин, 2011].

“Тибетский буддизм проложил некоторые дороги в Китай, но имел плохую репутацию. Народные рассказы часто связывали его с сексуальными ритуалами, человеческим жертвоприношением, коррупцией и кучей других зол. Эта репутация часто приклеивалась к буддизму в целом, но тибетская ветвь приобрела наихудшую. В основном это было связано с религиозной ревностью, похотью и ксенофобией” (с. 124–125). Гомосексуализм “считался совершенно приемлемым пороком среди монгольских монахов” (с. 53). В “доказательство” приводится анекдотическое высказывание японского шпиона в Тибете в 1940 г. “Монахи были уверены, по крайней мере, в полной чаше и комфортном месте, где спать, и храмы были полны дельцами, скапливающими большинство богатства Монголии” (с. 45).

Неудивительно, что Дж. Палмер собрал полный набор компрометирующих сплетен про теократического лидера Монголии – Богдо-гэгэна VIII (с. 52–55). Хотя Палмер пишет, что в этих историях есть преувеличение, “современные монгольские и зарубежные очевидцы” “свидетельствовали о его безжалостности, алкоголизме и жадности” (с. 54). Из этих “очевидцев”, однако, приводятся лишь иностранцы с ненадежной репутацией – Ф. Ларсон и Ф. Оссендовский. Опять же неудивительно: достоверные свидетельства “из первых рук” отсутствуют [Кузьмин, 2011, с. 330–335]. Однако в книге Дж. Палмера появляется и нечто новое: оказывается, и Р.Ф. Унгерн (с. 177), и Богдо-гэгэн VIII (с. 55), и Далай-лама XIII (с. 130), и большинство китайских милитаристов (с. 181) были параноидными. Познания в психологии под стать познаниям в буддизме... По ходу дела упоминаются нацистские экспедиции в Тибет. Неважно, что никаких альянсов тибетской теократии с нацистами не было. Важен еще один намек, призванный ассоциировать буддизм с антисемитизмом.

Оказывается, во время коронации Богдо-гэгэна VIII в 1921 г. “Унгерн провозгласил себя реинкарнацией Богдо-гэгэна V, предшественника Богдо-хана, весьма тупой фигуры начала XIX в.” (с. 163). Автор сам удивляется абсурдности этого: реинкарнацией Богдо-гэгэна V в то время был Богдо-гэгэн VIII. Откуда такой парадокс? Возможно, из мемуаров Анвана, где, однако, несколько другая формулировка: “В это время очень возвеличивали барона Унгерна – что он является перерожденцем пятого Богдо” [Кузьмин, 2004(1), с. 554]. Кстати, Богдо-гэгэн V – “тупой”, или “тусклый” (dull), по мнению Дж. Палмера, – в Монголии был знаменит: его короткое правление известно основанием религиозных училищ и монастырей.

Неверно, что Р.Ф. Унгерн воплотил в реальность те пытки, которые изображались в буддийских храмах (с. 67, 141, 161). Пытки, применявшиеся унгерновцами, были сходны с чекистскими, а не с пытками на буддийских изображениях.

Невежество в области буддизма и пропаганда против этой религии у Дж. Палмера в целом соответствуют стилю сталинистского и маоистского разгрома религий в СССР, Монголии и КНР. К сожалению, это не метафора: в источниках я читал очень похожие “аргументы”. Приходит на ум официальная пропаганда КПК – ведь автор живет в Пекине. Однако в “Эпизоде” Дж. Палмер, в противоречии с коммунистической пропагандой, объективно описывает депрессию в Монголии, в том числе против религии, проводит разумные параллели с ситуацией в Тибете после его оккупации Китаем...

В книге много и мелких недостатков, например обвинений и грубых слов, далеко не всегда заслуженных. Вряд ли понравилось бы автору книги, если бы они адресовались ему самому: “кровавый белый барон” (заглавие), который испытывает “радость убийства”, “мародер с кровавыми руками” (с. 2), “чудовище” (с. 19) и т.д.; Николай II – “крайний дурак” (с. 102); правительство Российской империи – “царистский режим” (с. 34) (прямо как в красной пропаганде); книга Краутхофа – “дрянной роман” (с. 243). Фамилия Унгерн-Штернберг обсуждается в странных дискурсах (с. 11, 12). Автор не раз обыгрывает и фамилию Б.П. Резухина – друга Р.Ф. Унгерна: “Резун”. Впрочем, его знание русского языка не исключает отдельных ошибок: Загорск вместо Загорский, Особая Маньчжурская дивизия вместо Особый Маньчжурский отряд, Евтина вместо Евтин, Дутова вместо Дутов, Бакича вместо Бакич, Гузино Озеро вместо Гусиное озеро (с. 75, 96, 175, 176, 215).

В целом рецензируемую книгу, к сожалению, следует признать идеологизированным пропагандистским сочинением с многочисленными ошибками в фактах и интерпретациях, но не научным источником. Можно пожалеть западных читателей, которые, в большинстве не зная русского или монгольского языков, соблазненные потоком хвалебных рецензий, пытаются использовать эту книгу как историческое пособие. Хотелось бы надеяться, что когда-нибудь автор, отказавшись от стереотипов и заблуждений, перепишет ее заново, исправив ошибки и сделав более сбалансированной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Далай-лама XIV Тензин Гьяцо. *Сутра сердца: учения о Праджняпарамите*. Элиста: Океан Мудрости, 2008.
- Даревская Е.М. *Три портрета – три судьбы: исторические очерки*. Улан-Батор: Агиймаа. 1997.
- Железняков А.С. *Монгольский полюс политического устройства мира*. М.: Институт социологии РАН, 2009.
- Кузьмин С.Л. (сост.). *Барон Унгерн в документах и мемуарах*. М.: КМК, 2004(1).
- Кузьмин С.Л. (сост.). *Легендарный барон. Неизвестные страницы гражданской войны*. М.: КМК, 2004(2).
- Кузьмин С.Л. *Скрытый Тибет. История независимости и оккупации*. СПб.: Изд. А. Терентьева, 2010.
- Кузьмин С.Л. *История барона Унгерна: опыт реконструкции*. М.: КМК, 2011.
- Кузьмин С.Л., Оюунчимэг Ж. Последний великий хан Монголии // *Азия и Африка сегодня*. 2009. № 1.
- Кузьмин С.Л., Рейт Л. Записки Ф.А. Оссендовского как источник по истории Монголии // *Восток (Oriens)*. 2008. № 5.
- Нямаа Б., Ганболд Г. *Монголын хоёр төрийн мөнгөн тэмдэгт (1921 он)*. Улаанбаатар: Адмон, 2007.
- Сухова О. 2006. Бунт и покорность. Общественная психология великороссов в революции 1905–1907 годов // *Родина*. 2006. № 7.
- Alioshin D. *Asian Odyssey*. London–Toronto–Melbourne–Sydney: Cassell and Co., Ltd., 1941.
- Ossendowski F. 1922. *Beasts, Men and Gods*. 1922 // <http://www.gutenberg.org/files/2067/2067-h/2067-h.htm>
- Ribo N.M. [Рябухин Н.М.] *The Story of Baron Ungern Told by His Staff Physician*. Hoover Institution, Stanford University, CSUZXX697-A.